

Научная статья

УДК 340.01

DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).175-184

«Теория единой юридической ответственности» как околонаучное теоретическое построение

Наталья Павловна Асланян

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия
nataslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6816-7902>

АННОТАЦИЯ

В современной российской юридической литературе большой популярностью пользуется концепция единой юридической ответственности, которую ее создатели позиционируют в качестве подлинно научной теории. Данная концепция противопоставляет себя существующей в российской правовой науке частной научной теории юридической ответственности, конкурируя с последней в вопросах понимания и интерпретации юридической ответственности. Внешнее сходство концепции единой юридической ответственности с научной теорией способно вводить исследователей (особенно начинающих) в заблуждение, в результате чего они признают эту концепцию формой научного знания и принимают на веру ее положения. В статье осуществлен критический анализ содержащихся в концепции многочисленных трактовок понятия юридической ответственности и определен гносеологический статус концепции. Проведенное исследование обнаружило в концепции единой юридической ответственности ряд ненормативных для науки в целом и правовой науки в частности схем рассуждения, приемов аргументации и принципов построения изложения, а также сугубо специфичный категориальный аппарат. Задействованный инструментарий логико-гносеологической оценки положений научных теоретических концепций, включающий в себя такие институциональные определители научности и маркеры научного знания, как логическая цельность, научная нормативность, непротиворечивость умозаключений и общепринятость используемой терминологии, позволил обосновать вывод о принадлежности концепции единой юридической ответственности к формам ненаучного знания и квалифицировать ее в качестве околонаучного теоретического построения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

юридическая ответственность, правонарушение, позитивная юридическая ответственность, единая юридическая ответственность, реализация юридической ответственности, гносеологический статус концепции единой юридической ответственности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Асланян Н.П. «Теория единой юридической ответственности» как околонаучное теоретическое построение // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3. С. 175–184. doi: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).175-184.

Original article

“Theory of single legal responsibility” as pseudo-scientific theoretical construct

Natalia P. Aslanyan

Russian State University of Justice North Caucasian Branch, Krasnodar, Russia
nataslan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6816-7902>

ABSTRACT

In modern Russian legal literature, the concept of single legal responsibility is very popular, which its creators position as a truly scientific theory. This concept contrasts itself with the private scientific theory of legal responsibility existing in Russian legal science, competing with the latter in terms of understanding and interpreting legal responsibility. The external similarity of the concept of single legal responsibility with a scientific theory can mislead researchers (especially beginners), as a result of which they recognize this concept as a form of scientific knowledge and accept its provisions on faith. The article provides a critical analysis of the numerous interpretations of the concept of legal responsibility contained in the concept and defines the epistemological status of the concept. The study revealed in the concept of single legal responsibility a number of non-normative for science in general and legal science in particular, schemes of reasoning, methods of argumentation and principles for constructing a presentation, as well as a purely specific categorical apparatus. The involved toolkit for the logical and epistemological assessment of the provisions of scientific theoretical concepts, including such institutional determinants of scientific character and markers of scientific knowledge as logical integrity, scientific normativity, consistency of inferences and the generally accepted

© Асланян Н.П., 2021

terminology used, made it possible to substantiate the conclusion about belonging the concept of a single legal responsibility to forms of unscientific knowledge and qualify it as a pseudo-scientific theoretical construction.

KEYWORDS

legal responsibility, offense, positive legal responsibility, single legal responsibility, implementation of legal responsibility, epistemological status of the concept of single legal responsibility

FOR CITATION

Aslanyan N.P. "Theory of single legal responsibility" as pseudoscientific theoretical construct. *Akademicheskiiyuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2021;22(3):175–184. (In Russ.). doi: 10.17150/1819-0928.2021.22(3).175-184.

«Теория единой юридической ответственности» — это концепция, предлагающая новый взгляд на юридическую ответственность. Ее сторонники отвергают складывавшееся веками понимание юридической ответственности в качестве последствия правонарушения и призывают рассматривать ее «не только как следствие за правонарушение, но и в позитивном аспекте» [1, с. 21]. Данный взгляд был предложен в начале 60-х годов прошлого века в качестве широкой трактовки юридической ответственности, заключающейся в ее рассмотрении через призму осознания человеком своего долга перед обществом и государством [2, с. 79], и был поддержан рядом правоведов. Однако сторонники нового взгляда не могли просто отвергнуть традиционное понимание юридической ответственности в силу ее законодательного закрепления именно в качестве последствия правонарушения. Перед ними встала задача создать теорию, которая, с одной стороны, не отрицала бы упомянутого очевидного факта, но, с другой стороны, позволяла бы утверждать, что юридическая ответственность наступает не только за правонарушение, но и за правомерное поведение, не только за прошлое поведение (ответственность *post factum*), но и за будущее поведение (ответственность *ante factum*). Они назвали ответственность в традиционном понимании ретроспективной (негативной) ответственностью, а в новом понимании — проспективной (позитивной) ответственностью, и приступили к созданию теоретического фундамента для совмещения двух этих видов ответственности в одном понятии, т. е. к созданию общей (единой) теории юридической ответственности. В литературе изложены два мнения относительно успехов на этом поприще. Первое мнение высказано Д. А. Липинским, заявившим, что ему удалось создать общую теорию юридической ответственности [3, с. 8–9]. Второе принадлежит В. Н. Карташову, полагающему, что такая теория до сего времени не сложилась и Д. А. Липинский «явно “погорячился”» [4, с. 3].

Вопрос об отношении к концепции единой юридической ответственности в правовой док-

трине характеризует познавательную ситуацию в области понимания юридической ответственности с двух противоположных сторон. С одной стороны, противники этой концепции убеждены не только в том, что попытки создания конструкции «единой юридической ответственности» есть для учения о юридической ответственности путь тупиковый, но и в том, что подобные попытки являются результатом примитивного мышления, логически упречны и теоретически несостоятельны [5, с. 226–228; 6, с. 252–256; 7, с. 131–133; 8, с. 631–641; 9, с. 42–43; 10, с. 316–317]. С другой стороны, сторонники концепции единой юридической ответственности уверены как в том, что переход от трактовки юридической ответственности в качестве последствия правонарушения к ее трактовке в качестве единого понятия, есть прогрессивный путь развития учения о юридической ответственности, так и в том, что теория единой юридической ответственности есть блестящий образец правовой и научной мысли, отвечающий высоким научным требованиям [11, с. 374; 1, с. 27; 12, с. 60]. Полярность мнений о концепции единой юридической ответственности указывает на проблемную ситуацию в рассматриваемой области познания и подводит к задаче определения гносеологического статуса концепции «единой юридической ответственности». Учитывая внешнее сходство этой концепции с научной теорией, определить ее гносеологический статус возможно путем выявления места в оппозиции «научное знание — околонуучное знание». В настоящей статье будет доказано, что концепция единой юридической ответственности не является формой научного знания и должна расцениваться как околонуучное теоретическое построение.

Научная теория суть высшая форма организации научного знания, т. е. система научных положений, адекватно и достоверно отражающая сущность и закономерные связи в определенной предметной области. Признаками научной теории являются предметная определенность, достоверность, объективность, обоснованность, систематичность, логическая цельность и не-

противоречивость составляющих теорию научных положений [13, с. 316; 14, с. 110; 15, с. 37; 16, с. 205–206; 17, с. 676–678]. Научному знанию противостоит знание околонучное, т. е. находящееся около науки, похожее на науку, но не являющееся таковой. В науковедении околонучное знание определяется как «совокупность специфических форм познания, концентрирующихся вокруг науки, воспроизводящих некоторые из присущих науке гносеологических особенностей, но не соответствующих критериям научности» [18, с. 35]. Специалисты в области теории познания выделяют различные виды околонучного знания – паранаучное, лженаучное, квазинаучное и псевдонаучное [19, с. 13–14; 20, с. 54–58; 21, с. 73–74]. Не вникая детально в эпистемологическую проблему демаркации околонучного знания, отмечу, что, во-первых, околонучным концепциям присущи такие черты, как противоречивость умозаключений, ненормативные для науки положения и рассуждения, а также специфика построения категориального аппарата, в частности, наполнение традиционных терминов собственными «новыми» смыслами [22, с. 62–64, 68], и, во-вторых, концепция заслуживает квалификации в качестве околонучного теоретического построения в том случае, если она не соответствует нескольким или даже одному критерию научности [23, с. 20]. В основу анализа концепции единой юридической ответственности для ее квалификации в качестве околонучного вида познания мной положены такие критерии, как логическая цельность, научная нормативность и непротиворечивость положений концепции, а также общепризнанность используемой терминологии.

Наиболее полно концепция единой юридической ответственности представлена в монографии Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского «Общая теория юридической ответственности» [24], в связи с чем именно эта работа и подвергнута анализу в настоящей статье. Причем, для оценки концепции Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского нет необходимости подвергать детальному исследованию их более чем 900-страничный труд – достаточно проанализировать трактовку понятия единой юридической ответственности, вернее, трактовки, которых у авторов оказалось несколько.

Первая трактовка конституирует тождество понятия единой юридической ответственности и понятия юридической обязанности. По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, единая ответственность – «это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государ-

ством обязанность (необходимость) соблюдения правовых предписаний участниками правоотношений, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера» [24, с. 40–41]. По принятой в логике классификации определений эту операцию следует признать номинальным определением, в котором авторы дают указание относительно смысла вводимого понятия [25, с. 206]. Уже одно это определение дает основания для сомнений в корректности авторских рассуждений в силу того, что дефиниендум и дефиниенс в приведенном определении имеют различные денотаты, взаимозаменяемыми не являются, а сама операция является свидетельством нарушения логического закона тождества.

Со времен Аристотеля ученым известен логический закон тождества, согласно которому «иметь не одно значение – это значит не иметь ни одного значения, если же у слов нет <определенных> значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом» [26, с. 116–117]. Не менее широко известна и методологическая роль этого закона, разъясненная комментатором Аристотеля Александром Афродисийским: «То, что не имеет одного значения и притом – некоторого определенного значения, с самого начала ничего не объясняет» [26, с. 117]. На недопустимость нарушения закона тождества указывает каждый учебник по логике, ибо мышление человека, нарушающего это закон, непредсказуемо, а сам он «подобен фокуснику, который закладывает в цилиндр цветную ленту, а вынимает оттуда живую змею» [27, с. 165].

Вряд ли кто-либо из правоведов готов публично признать, что новую юридическую теорию следует «изготавливать» путем подмены одной известной и хорошо изученной категории (категории юридической обязанности) другой, не менее известной и не менее хорошо изученной категорией (категорией юридической ответственности), поскольку широко известно, что жонглирование категориями есть для науки явление опасное и подмена понятий в научных исследованиях недопустима¹. «Теория единой юри-

¹ Следует подчеркнуть, что прием определения ответственности посредством понятия «обязанность» применяется со времени зарождения идеи объединить в понятии единой юридической ответственности ответственность позитивную и ответственность ретроспективную [28, с. 26; 29, с. 50–52; 30, с. 244–245], однако с самого зарождения этой идеи в доктрине отвергается приемлемость подмены категории «обязанность» категорией «ответственность» [6, с. 253; 7, с. 130–133; 9, с. 43].

дической ответственности» изготовлена именно таким путем, однако в доктрине это не вызвало ее безоговорочного отторжения, и правоведы не только широко обсуждают теорию, подменяющую ответственность обязанностью, но и вносят свою лепту в ее «развитие» [31, с. 18, 39].

Внятное объяснение причин, по которым под ответственностью следует понимать обязанность, в рассматриваемой концепции отсутствует. Более того, далее Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отрекаются от предложенного ими же определения, ибо утверждают, что «юридическая ответственность не тождественна обязанности» [24, с. 152]. Столь легковесное отношение к собственным суждениям не может не удивлять и не порождать вопроса: почему же в таком случае авторы использовали понятие «обязанность» для определения понятия «ответственность»? На этот вопрос в монографии ответа не находится, но находится загадочный аргумент, из которого читатель узнает, почему понятия «ответственность» и «обязанность» нетождественны: «...юридическая ответственность не тождественна обязанности, так как эта обязанность реализуется в осознанном, волевом правомерном поведении — внешнем выражении ответственности» [24, с. 152]. Попутно замечу, что загадочность и непоследовательность пронизывают всю концепцию единой юридической ответственности, непомерно усложняя попытку разобраться в хитросплетениях авторских мыслей.

Впрочем, даже если абстрагироваться от непоследовательности Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, у которых ответственность то является обязанностью, то — не является, принять их первую дефиницию и рассмотреть предлагаемое ими «единое понятие» с логических позиций, несложно заметить, что это понятие единства не обнаруживает, поскольку содержит два различных понятия: «обязанность соблюдать правовые предписания» и «обязанность претерпеть осуждение». «Обязанность соблюдения» и «обязанность претерпевания»² есть различные, причем, несовместимые понятия, между которыми, в соответствии с принятой в логике классификацией, существует отношение соподчинения (координации), в силу чего они не могут составлять «единого» понятия.

² Ранее я высказывалась по поводу некорректности словосочетания «обязанность претерпевания» [32], но в данной статье не буду развивать эту мысль, поскольку она способна увести в сторону от анализа позиции Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, и допущу возможность существования обязанности претерпевания.

Согласно второй трактовке единая юридическая ответственность есть некое образование, соединяющее в себе два элемента — позитивную ответственность и негативную ответственность. Авторы пишут: «Юридическая ответственность... едина и включает в себя ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную ответственность) и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативную, государственно-принудительную ответственность)» [24, с. 35]. Эта трактовка столь же противоречива, сколь и не нова. По ее поводу Н.С. Малеин еще в 1985 году задавался вопросом: «Можно ли (и нужно ли?) объединять одним понятием ответственности столь различные категории, как благо (позитивная) и зло (негативная ответственность), следование долгу, его нарушение и последствия нарушения, мораль и право?» [7, с. 133].

Содержание понятий блага и зла логически противоречиво и это видно невооруженным взглядом. Логически противоречивые понятия существуют, но их оценка с позиций различных наук неодинакова. Если в лингвистике объединение в одном словосочетании логически несовместимых, противоречащий друг другу понятий составляет стилистическую фигуру речи (оксюморон) и признается средством усиления выразительности художественной речи [33, с. 263], то в логике такое объединение трактуется как логическая ошибка, обусловленная ошибками в познании [25, с. 192], и признается недопустимым, поскольку влечет за собой искаженное отражение реальности [34, с. 66]. Объединение в одном понятии позитивной ответственности, т. е. ответственности за будущее правомерное поведение, и негативной ответственности, т. е. ответственности за прошлое противоправное поведение, так же, как и в первой дефиниции, есть совмещение в одном понятии несовместимых понятий, но уже находящихся не в отношении соподчинения (координации), а в отношении противоречия (контрадикторности).

Подтвердить данный вывод можно и иным аргументом. Ответственность за будущее правомерное поведение представляет собой явление морального порядка, нравственное представление о должном [35, с. 233–234]; она «базируется на внутренней регуляции поведения индивида» [36, с. 17] и относится к системе неинституциональной регуляции поведения. Напротив, ответственность за прошлое противоправное поведение есть явление правового порядка, относящееся к системе институциональной ре-

гуляции поведения. Поскольку понятия «не-институциональная регуляция поведения» и «институциональная регуляция поведения» являются понятиями противоречащими (контрадикторными), объединение этих понятий в одном понятии логически недопустимо.

Третья трактовка отличается от предыдущих тем, что вводит понятие «целостной юридической ответственности», которое соединяет в себе уже не два, а три элемента – единую юридическую ответственность, добровольную форму реализации юридической ответственности и государственно-принудительную форму реализации юридической ответственности [24, с. 39–40]. Можно было бы предположить, что понятие целостной ответственности является новым, однако далее Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский поясняют, что «целостная ответственность» («ответственность как целостное явление») – это и есть «единая ответственность» [24, с. 40]. Учитывая, что авторы используют системологическую терминологию («структура» и «элементы»), а также исходя из их суждения о том, что все проблемы с пониманием юридической ответственности в российской правовой науке обусловлены отсутствием исследований правовой ответственности с позиций системного подхода [24, с. 39], можно заключить, что под целостной юридической ответственностью они понимают систему. В этой трактовке авторы к понятиям «позитивная ответственность» и «негативная ответственность» уже не прибегают, но поясняют, что добровольная форма реализации юридической ответственности это и есть позитивная ответственность, а принудительная форма реализации юридической ответственности – негативная ответственность [24, с. 22]. Следовательно, эта трактовка в уточненном варианте имеет вид, в котором целостная (она же единая) ответственность (система) включает в себя три элемента: единую ответственность (состоящую из позитивной ответственности и негативной ответственности), позитивную ответственность и негативную ответственность. Однако с позиций системного подхода один и тот же элемент не может одновременно входить в состав какой-либо совокупности в качестве элемента и при этом – в другой элемент этой же совокупности в качестве его части, а также отождествляться с системой в целом [37, с. 37; 38, с. 155]. Поэтому выделенная авторами совокупность не может быть признана системой, и, следовательно, попытка сконструировать понятие единой юридической ответственности путем при-

влечения терминологии теории систем должна быть признана неудачной. Кроме этого, нельзя не обратить внимание на терминологическую путаницу, присущую тексту: авторы то утверждают, что единая ответственность и целостная ответственность – это одно и то же, то разводят эти понятия, а некие субстанции, называемые то позитивной ответственностью и негативной ответственностью, то формами реализации юридической ответственности (добровольной и принудительной), вводятся в качестве элементов то в «единую ответственность», то в «целостную ответственность». Таким образом, третью трактовку единой юридической ответственности следует оценить как конгломерат наукообразных положений, смысловой нагрузки не несущий.

Между тем Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский еще больше усложняют свое теоретическое построение, поскольку подменяют понятия «позитивная юридическая ответственность» и «негативная юридическая ответственность» понятиями «добровольная форма реализации юридической ответственности» и «принудительная форма реализации юридической ответственности». Поэтому следует перейти к выяснению смысла терминов «реализация», «формы реализации», а также к установлению соотношения понятий «ответственность» и «форма реализации ответственности».

Заявив о том, что единая юридическая ответственность включает в себя позитивную (добровольную) ответственность и негативную (принудительную) ответственность [24, с. 35], Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский на следующей странице исследуемого труда утверждают, что единая юридическая ответственность имеет «различные аспекты (формы) реализации» [24, с. 36]. Говоря иначе, то, что авторы вначале назвали позитивной и негативной ответственностью, следует трактовать как «аспекты реализации ответственности», либо как «формы реализации ответственности». Отсутствие синонимичности отождествляемых авторами слов «аспект» и «форма» говорит о невнятности авторских рассуждений, и ставит вопрос, следует ли говорить об «аспектах реализации ответственности» и «формах реализации ответственности», или все-таки следует говорить об «аспектах ответственности» и «формах реализации ответственности»? Подобная невнятность сопровождает весь текст, поскольку авторы то заявляют, что «необходимо вести речь не об аспектах, а о формах реализации ответственности» [24, с. 22], то утверждают, что именно аспекты ответственности «составляют

понятие ответственности как целостного правового явления» [24, с. 41], но при этом формы реализации юридической ответственности существуют «в рамках единого явления» [24, с. 23].

В правовой науке термины «реализация» и «формы реализации» являются общепринятыми. Обычно они употребляются применительно к осуществлению права (норм права), т. е. переводу правовых предписаний в правомерное поведение субъектов. При этом признается, что реализация права осуществляется в четырех формах: соблюдения, исполнения, использования и применения [39, с. 312–313]. Могут ли формы реализации юридической ответственности «существовать в рамках единого явления ответственности», как это утверждают Р.Л. Хачатуров и Д. А. Липинский?

Когда мы говорим о реализации чего-либо, то предполагаем, что это «что-либо» есть некая внешняя субстанция относительно процесса реализации. Из этого следует, что реализуемая внешняя субстанция не может включать в себя в качестве составных частей формы своей реализации. Поясню свою мысль на простом примере. Всем известно, что в материальном мире существует такой объект, как продукция. И всем известно, что эта продукция производится для реализации, а реализация осуществляется в различных формах. В специальной литературе выделяют такие формы реализации продукции, как прямая реализация (прямой сбыт) и косвенная реализация (косвенный сбыт) [40, с. 567; 41, с. 93–94]. Очевидно, что ни один специалист (ни экономист-теоретик, ни маркетолог-практик) не станет утверждать, что формы реализации продукции входят в состав понятия «продукция» и определяют это понятие. Впрочем, это очевидно и неспециалисту. И здравый смысл, и логика, и научные воззрения на соотношение форм реализации права с правовыми предписаниями, которые реализуются, не позволяют утверждать, что правовые предписания включают в себя формы реализации этих предписаний, равно как и то, что понятие юридической ответственности включает в себя формы своей реализации. Следовательно, уже при самом общем взгляде на рассматриваемое теоретическое построение выявляется его несоответствие предъявляемым к научным теориям требованиям достоверности, объективности и непротиворечивости.

Более пристальный взгляд на характер применения Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским терминов «реализация правовых предписаний» и «формы реализации правовых предписаний»

выявляет такие черты рассматриваемой концепции, как некорректное использование юридической терминологии и несоответствие ее положений общепризнанным положениям общей теории права. По мнению авторов, «реализация юридической ответственности есть правовое состояние субъектов правоотношений как показатель отношения к ... (единой) ответственности» [24, с. 45]. Данная дефиниция содержит в себе две ошибки, первая из которых заключается в некорректности отождествления понятий «реализация юридической ответственности» и «правовое состояние», а вторая – в неверном приписывании состоянию ответственности качества правового состояния.

Применительно к употреблению термина «состояние» в правовой науке можно говорить о двух смыслах: общеупотребительном и специально-юридическом. В общеупотребительном смысле слово «состояние» обозначает положение, в котором кто-нибудь или что-нибудь находится [42, с. 777]. В специально-юридическом смысле под правовыми состояниями понимают «сложные юридические факты, характеризующиеся относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого они могут неоднократно (в сочетании с другими фактами) вызывать наступление правовых последствий» [43, с. 34]. Если использовать термин «состояние» в общеупотребительном смысле, то вполне допустимо говорить о состоянии ответственности. Однако это состояние не носит характера правового состояния, так как российское законодательство такого юридического факта, как «состояние ответственности», не предусматривает. Вызывает недоумение и суждение авторов о том, что «правовое состояние ответственности» является показателем отношения субъектов к ответственности, поскольку трудно представить, чтобы законодатель закрепил в качестве правового некое состояние субъекта в качестве «показателя отношения». Как известно, правовые состояния в механизме правового регулирования оценочную функцию не выполняют.

Оригинальную и далекую от общепризнанной позицию демонстрируют авторы и в трактовке термина «формы реализации» применительно к ответственности. Под формами реализации юридической ответственности Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский понимают «реально существующую связь субъекта с правовыми предписаниями» [24, с. 49] и разъясняют, что «форма предстает как тождественный содержанию способ выражения (реализации)» [24, с. 49]. Соответственно

этим разъяснениям Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский определяют выделенные ими формы реализации ответственности: добровольную форму как «способ закрепления юридической обязанности соблюдать требования правовых норм» [24, с. 172] и принудительную форму – как «способ закрепления юридических обязанностей правонарушителя претерпеть осуждение и ограничения имущественного или личного неимущественного характера» [24, с. 197]. Таким образом, понятие «формы реализации юридической ответственности» у авторов предстает в трех ипостасях: как «связь субъекта с правовыми предписаниями», как «способ выражения содержания ответственности» и как «способ закрепления обязанности».

Этому смешению определений трудно придать какой-либо упорядоченный в теоретико-правовом смысле вид. Если «связь субъекта с правовыми предписаниями» еще можно признать установкой правового поведения и определить как «состояние готовности действовать тем или иным образом, предрасположенность субъекта к определенному восприятию фактического и правового материала в конкретной социально-правовой ситуации» [44, с. 97], то объяснить, почему установка правового поведения трактуется как «тождественный содержанию способ выражения» юридической ответственности, а «способ выражения» юридической ответственности – как реализация юридической ответственности, невозможно. Если следовать указанию авторов о том, что «содержание форм реализации юридической ответственности определяется соблюдением обязанностей или правонарушением, поощрением, одобрением или наказанием, осуждением, претерпеванием» [24, с. 49], то придется признать, что, во-первых, установка правового поведения субъекта представляет собой способ выражения соблюдения или несоблюдения обязанностей, поощрение, одобрение или наказание, осуждение, претерпевание и, во-вторых, все это является реализацией юридической ответственности. Не удастся также разграничить словосочетания «способ закрепления» и «способ выражения», поскольку в юридической литературе эти словосочетания употребляются как тождественные и означают «вариант фиксации содержания правовой нормы в тексте правового акта» [45, с. 105]. Таких вариантов три – прямой, отсылочный и бланкетный [46, с. 248–249]. Иногда словосочетание «способ закрепления» употребляется для определения понятия источника права. Его, в частности, ис-

пользовали С.А. Голунский и М.С. Строгович, когда писали: «Способы закрепления правил поведения, которым государство придает правовую силу, именуется источниками права в юридическом смысле» [47, с. 173]. Можно утверждать, что специально-юридический смысл словосочетания «способ закрепления», отсылающий к юридической технике или источникам права, никаким образом не проясняет трактовку понятия «формы реализации юридической ответственности» и не позволяет разграничить выделенные виды – добровольную форму и принудительную форму. Очевидно, авторы не ведут речь о различных источниках права, так как везде имеют в виду один источник – закон. Остается вариант фиксации правил об ответственности, но и он не помогает уяснению трактовки, поскольку этот вариант и для «добровольной формы реализации юридической ответственности», и для «принудительной формы реализации юридической ответственности» в представлениях Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского один и тот же – прямой [24, с. 48]. Поэтому следует заключить, что определение понятия «форма реализации ответственности» посредством понятия «способ закрепления ответственности» совершено авторами в отрыве от общепризнанных теоретико-правовых положений и несет некий новый, неведомый правовой науке смысл, а в целом категориальный аппарат рассматриваемой концепции столь нестандартен, что требует собственного глоссария.

Многообразие трактовок «единой юридической ответственности», насыщенных специфической авторской терминологией, призвано прикрыть авторские конструкции флером научности и, говоря словами О.Э. Лейста, увести читателя на тупиковый путь схоластического теоретизирования [6, с. 249]. Правоту этого утверждения можно подтвердить путем простой семантической трансформации одного из постулатов рассматриваемой концепции: «Ответственность эффективна только во взаимодействии различных своих аспектов, которые в своей совокупности и составляют понятие ответственности как целостного правового явления» [24, с. 41]. Исходя из того, что слово «аспект» в русском языке толкуется как «точка зрения, определенное понимание чего-нибудь» [48, с. 45], заменим в приведенной формулировке слово «аспект» на его значение. В результате получим следующее положение: «понятие ответственности как целостного правового явления составляет совокупность различных точек зрения на нее» («понятие ответственности как целостного правового явления

составляет совокупность определенных видов ее понимания»). Ложность данного положения в доказательстве не нуждается в силу ее самоочевидности.

Таким образом, анализ концепции единой юридической ответственности на предмет соответствия критериям научности не дает основа-

ний относить ее к научным теориям. Противоречивость умозаключений, ненормативные для правовой науки положения, специфика построения категориального аппарата концепции, наполнение общепринятых юридических терминов новыми смыслами позволяют квалифицировать ее как околонаучное теоретическое построение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. — Москва : Изд-во РАП, 2008. — 304 с.
2. Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание / В.Г. Смирнов // Правоведение. — 1963. — № 4. — С. 78–89.
3. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук ; 12.00.01 / Д.А. Липинский. — Саратов, 2004. — 46 с.
4. Карташов В.Н. Юридическая ответственность: понятие и основные признаки / В.Н. Карташов // Юридические записки Ярославского государственного университета П.Г. Демидова / ред. В.В. Бутнев. — Ярославль, 2005. — Вып. 9. — С. 3–17.
5. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правописание на грани двух веков) / М.И. Байтин. — Москва : Право и государство, 2005. — 544 с.
6. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. — Москва : Зерцало-М, 2002. — 288 с.
7. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малейн. — Москва : Юрид. лит., 1985. — 192 с.
8. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. — Москва : Юрист, 2003. — 656 с.
9. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. — Москва : Юрид. лит., 1971. — 240 с.
10. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. — Москва : Юрид. лит., 1974. — 340 с.
11. Баев В.Г. Юридическая ответственность во всех проявлениях (Рецензия на книгу: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. С.-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 934 с.) / В.Г. Баев, Д.В. Силин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (84). — С. 374–378.
12. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. — 512 с.
13. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 367 с.
14. Ивин А.А. Философское исследование науки / А.А. Ивин. — Москва : Проспект, 2016. — 544 с.
15. Ильин В.В. Критерии научности знания / В.В. Ильин. — Москва : Высшая школа, 1989. — 128 с.
16. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования / П.В. Копнин. — Москва : Наука, 1973. — 323 с.
17. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. — Москва : Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
18. Мартишина Н.И. Околонаучное знание: сущность и структура / Н.И. Мартишина // Эпистемы : материалы межвуз. семинара. — Екатеринбург, 1998. — С. 31–36.
19. Головин Д.В. Паранаука: социокультурные основания и функции : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д.В. Головин. — Иваново, 2012. — 27 с.
20. Денисов С.Ф. Феномен околонаучного знания / С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2016. — № 4 (63). — С. 54–58.
21. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации : учеб. пособие / Т.Г. Лешкевич. — Москва : Приор, 2001. — 428 с.
22. Мартишина Н.И. Логические маркеры околонаучного знания / Н.И. Мартишина // Идеи и идеалы. — 2013. — Т. 1, № 4 (18). — С. 62–71.
23. Мартишина Н.И. Феномен и типология околонаучного знания / Н.И. Мартишина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. — 2013. — № 29. — С. 19–28.
24. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2007. — 950 с.
25. Ивлев Ю.В. Логика : учебник / Ю.В. Ивлев. — Москва : Проспект, 2009. — 304 с.
26. Аристотель. Метафизика : переводы, комментарии, толкования / Аристотель. — Санкт-Петербург : Алетея, 2002. — 832 с.
27. Брюшинкин В.Н. Практический курс логики для гуманитариев : учеб. пособие / В.Н. Брюшинкин. — Москва : Новая школа, 1996. — 320 с.

28. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / В.Н. Брюшинкин. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. — 120 с.
29. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм / П.Е. Недбайло // Правоведение. — 1971. — № 3. — С. 44–53.
30. Строгович М.С. Советская социалистическая законность и права личности / М.С. Строгович // Избранные труды : в 3 т. — Москва : Наука, 1990. — Т. 1: Проблемы общей теории права. — С. 201–245.
31. Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности органов исполнительной власти : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 10.00.01 / А.В. Чепус. — Москва, 2016. — 63 с.
32. Асланян Н.П. Претерпевание и обязанность в контексте теории охранительного права / Н.П. Асланян // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й ежегодной междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 21 мая 2016 г. / под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 6–15.
33. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. — Ростов на Дону : Феникс, 2010. — 562 с.
34. Иванов Е.А. Логика : учебник / Е.А. Иванов. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. — 416 с.
35. Дробницкий О.Г. Понятие морали : ист.-крит. очерк / О.Г. Дробницкий // Моральная философия : избр. труды. — Москва : Гардарики, 2002. — С. 10–342.
36. Сперанский В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений (социально-политический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09. 00. 02 / В.И. Сперанский. — Москва, 1990. — 39 с.
37. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание / М.С. Каган. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. — 383 с.
38. Райбекас А.Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории / А.Я. Райбекас. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. — 243 с.
39. Общая теория государства и права : Академический курс : в 2-х т. / под ред. М.Н. Марченко. — Москва : Зерцало, 1998. — Т. 2: Теория права. — 640 с.
40. Большая экономическая энциклопедия / отв. ред. Т.П. Варламова. — Москва : Эксмо, 2007. — 816 с.
41. Маркетинг : учебник / под ред. А. Н. Романова. — Москва : ЮНИТИ, 1995. — 560 с.
42. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — Москва : Азъ Ltd., 1992. — 960 с.
43. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. — Москва : Юрид. лит., 1984. — 144 с.
44. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций / В.Н. Карташов. — Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1995. — Ч. 1. — 137 с.
45. Юридическая техника : юрид. словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. — Москва : Проспект, 2017. — 248 с.
46. Теория государства и права : учебник / под ред. Р.А. Ромашова. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. — 630 с.
47. Голунский С.А. Теория государства и права / С.А. Голунский, М.С. Строгович. — Москва : Юриздат, 1940. — 304 с.
48. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва : АСТ, 2004. — 1368 с.

REFERENCES

1. Vitruk N.V. *General theory of legal liability*. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2008. 304 p.
2. Smirnov V.G. Criminal liability and criminal punishment. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1963, no. 4, pp. 78–89. (In Russian).
3. Lipinskii D.A. *General theory of legal liability*. Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2004. 46 p.
4. Kartashov V.N. Legal responsibility: concept and main features. In Butnev V.V. (ed.). *Legal Notes of the Yaroslavl State University P.G. Demidova*. Yaroslavl, 2005. Iss. 9, pp. 3–17. (In Russian).
5. Baytin M.I. *The Essence of the Law (Modern Normative Understanding of Law on the Verge of Two Centuries)*. Moscow, Law and State Publ., 2005. 544 p.
6. Leist O.E. *The essence of law. Problems of theory and philosophy of law*. Moscow, Zertsalo-M, 2002. 288 p.
7. Malein N.S. *Offense: concept, reasons, liability*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1985. 192 p.
8. Marchenko M.N. (ed.). *Problems of the Theory of State and Law*. Moscow, Yurist Publ., 2003. 656 p.
9. Samoshchenko I.S., Farukshin M.Kh. *Liability under Soviet law*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1971. 240 p.
10. Khalfina R.O. *General doctrine on legal relationship*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1974. 340 p.
11. Baev V.G., Silin D.V. Juridical Responsibility in all Expressions (Book Review of Khachaturov R.L., Lipinsky D.A. *General Theory of Juridical Responsibility*. St. Petersburg: Publishing House of R. Aslanov Juridical Center Press, 2007. 934 p.). *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Serija: Gumanitarnye Nauki = Tambov State University Bulletin. Series: Humanities*, 2010, no. 4, pp. 374–378. (In Russian).
12. Matuzov N.I. *Topical issues of the theory of law*. Saratov State Academy of Law Publ., 2003. 512 p.
13. Alekseev M.N., Korshunov A.M. (eds). *Dialectics of cognition process*. Moscow State University Publ., 1985. 367 p.
14. Ivin A.A. *Philosophical study of science*. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 544 p.
15. Ilin V.V. *Criteria for the scientific character of knowledge*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 128 p.
16. Kopnin P.V. *Dialectics as logic and the theory of knowledge. The experience of logical and epistemological research*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 323 p.

17. Ilchev L.F. et al. (eds.). *Philosophic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 836 p.
18. Martishina N.I. *Near-scientific knowledge: essence and structure. Epistemes. Interuniversity seminar materials*. Ekaterinburg, 1998, pp. 31–36. (In Russian).
19. Golovin D.V. *Parascience: Sociocultural Foundations and Functions*. Cand. Diss. Thesis. Ivanovo, 2012. 27 p.
20. Denisov S.F., Denisova L.V. Phenomenon of Pseudoscientific Knowledge. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2016, no. 4, pp. 54–58. (In Russian).
21. Leshkevich T.G. *Philosophy of Science: Traditions and Innovations*. Moscow, Prior Publ., 2001. 428 p.
22. Martishina N.I. Logical markers of near-Scientific Knowledge. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2013, vol. 1, no. 4, pp. 62–71. (In Russian).
23. Martishina N.I. Phenomenon and Types of Quasi-scientific Knowledge. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya = Siberian Transport University Bulletin*, 2013, no. 29, pp. 19–28. (In Russian).
24. Khachaturov R.L., Lipinskii D.A. *General theory of legal liability*. Saint Petersburg, Juridichesky center Press Publ., 2007. 948 p.
25. Ivlev Yu.V. *Logic*. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 304 p.
26. Aristotle. *Metaphysics*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 832 p.
27. Bryushinkin V.N. *A practical course in logic for the humanities*. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. 320 p.
28. Bazylev B.T. *Legal responsibility (theoretical issues)*. Krasnoyarsk State University Publ., 1985. 120 p.
29. Nedbailo P.E. The system of legal guarantees for the application of Soviet legal norms. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1971, no. 3, pp. 44–53. (In Russian).
30. Strogovich M.S. *Soviet socialist legality and individual rights. Selected Works*. Moscow, Nauka Publ., 1990. Vol. 1, pp. 201–245. (In Russian).
31. Chepus A.V. *The theory of positive legal responsibility of executive authorities. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2016. 63 p.
32. Aslanyan N.P. Endurance and Obligation in the Context of Protective Law Theory. In Aslanyan N.P., Vinichenko Yu.V. (eds). *Protection of Individual Rights: Issues of Theory and Practice. Materials of the 5th International Research Conference. Irkutsk, May 21, 2016*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2017, pp. 6–15. (In Russian).
33. Matveeva T.V. *Complete Dictionary of Linguistic Terms*. Postov-on-Don, Feniks Publ., 2010. 562 p.
34. Ivanov S.A. *Logic*. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 416 p.
35. Drobnitskii O.G. *The concept of morality. Moral philosophy*. Moscow, Gardariki Publ., 2002, pp. 10–342. (In Russian).
36. Speranskii V.I. *Social responsibility in the system of public relations (socio-political aspect). Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 1990. 39 p.
37. Kagan M.S. Системный подход и гуманитарное знание. Leningrad State University Publ., 1991. 383 p.
38. Raibekas A.Ya. *Thing, property, relation as philosophical categories*. Tomsk State University Publ., 1977. 243 p.
39. Marchenko M.N. (ed.). *General Theory of State and Law*. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. Vol. 2. 640 p.
40. Varlamova T. P. (ed.). *The Great Economic Encyclopedia*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 816 p.
41. Romanov A.N. (ed.). *Marketing*. Moscow, YuNITI Publ., 1995. 560 p.
42. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *The Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Az» Ltd. Publ., 1992. 960 p.
43. Isakov V.B. *Legal Facts in Soviet Law*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 144 p.
44. Kartashov V.N. *Introduction to the general theory of the legal system of society*. Yaroslavl State University Publ., 1995. Vol. 1. 137 p.
45. Malko A.V. (ed.). *Legal technique*. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 248 p.
46. Romashov R.A. (ed.). *Theory of State and Law*. Saint Petersburg, Juridichesky center Press Publ., 2005. 630 p.
47. Golunskii S.A., Strogovich M.S. *Theory of State and Law*. Moscow, Yurizdat Publ., 1940. 304 p.
48. Ushakov D.N. (ed.). *The Great Dictionary of Russian language*. Moscow, AST Publ., 2004. 1368 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асланян Наталья Павловна – доктор юридических наук, профессор. Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, 350002, Россия, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187/1; ResercherID ABI-3186-2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia P. Aslanyan – Doctor of Law, Professor. Russian State University of Justice North Caucasian Branch, 187/1. Levanevsky st., Krasnodar, Russia, 350002; ResercherID ABI-3186-2020

Поступила в редакцию / Received 02.06.2021

Доработана после рецензирования / Revised 11.07.2021

Принята к публикации / Accepted 20.10.2021